

*Посвящаю моим родителям.
Если они нас видят, на что я
надеюсь, я машу им рукой.*

Оглавление

8	От автора
11	Смерть Жирафа
19	Opus № 7
22	Тарарабумбия. Шествие
37	Темные аллеи
41	Барышников
50	С песней по жизни
57	Сон в летнюю ночь
69	Три сестры
81	За грибами
87	«Евгений Онегин». Своими словами
95	Гоголь «Мертвые души». История подарка
101	Своими словами. Чехов «Остров Сахалин»
104	Хемингуэй «За рекой, в тени деревьев»
112	О-й. Поздняя любовь
118	Безприданница
126	Ромео и Джульетта
130	Муму
136	Анна Каренина
141	Наш городок
145	Борис

150	Двое
154	Дон Джованни
158	Чайка
165	Вишневый сад
170	Ольга, III акт
174	Питер Пэн
179	Реквием
182	Метаморфозы
185	Несделанные спектакли (пока)
186	Буря
194	Мария Стюарт
197	Русские сказки
200	Мертвые души
202	Гоцци
204	Сны
215	Идеи разных спектаклей (куски)
227	Мысли «вообще»
240	<i>Анатолий Смелянский.</i> «Непредсказуемость и есть стиль...»

От автора

В какой-то момент я подумал, что мои спектакли оказались так разбросаны во времени и в пространстве, что картина стала похожа на цветной горох, рассыпанный на полу. Если разбросанность во времени еще кое-как понятна, то пространство в последнее время вышло из-под контроля и просто подкладывает какую-то шутку: если раньше это были хотя бы разные театры одного города и была надежда, что человек, посмотрев нашу «Безприданницу» в Школе драматического искусства, пойдет в МХТ на «Сережу» — пойдет и дойдет: это же в одном городе! — то кто сейчас сможет поехать в Нью-Йорк смотреть наш новый спектакль, даже если ему очень понравится мой спектакль в Клайпеде?

Со временем тоже все оказалось не так просто: некоторые мои любимые зрители последних спектаклей были еще очень маленькими, когда мы начинали нашу Лабораторию в Москве, и не могли видеть первых наших спектаклей, а только слышали о них, а иногда и не слышали.

Осознав эту картину, я немного испугался. Мной овладело такое чувство, как будто твой портрет сделан художником-кубистом, причем, делая его, он то ли был

занят какими-то другими работами, то ли современный стиль позволяет, — но некоторых кубиков не хватает.

Мне стало страшно жалко, что никто не узнает, как горел дом Прозоровых во «Фрагменте» в Клайпеде, или как тонула Офелия в «Реквиеме», или как моя бабушка гарцевала на лошади и улетала в шкаф в «Трех мушкетерах» в Праге.

Кроме того, а может быть, это даже главное: я как-то открыл свой дневник, куда я записываю разные вещи и в том числе первые (а потом и вторые и третьи) мысли по поводу спектаклей, которые собираюсь делать, открыл и подумал: а может быть, собрать именно эти первые мысли в один пучок (не поворачивается сказать «букет») и таким образом собрать этот рассыпавшийся горох? Достать закатившиеся горошины из-под кровати, дивана и рукомойника? Может быть, подумал я, эти первые мысли иногда даже более точно и остро отражают мои желания, которые чаще всего видоизменяются в процессе работы, и не всегда в лучшую сторону. Ведь спектакль — это довольно большая и долгая работа многих людей: иногда едешь открывать Индию, а обнаруживаешь себя в Америке, и это в лучшем случае. Но эти первые записи, как и первые толчки ребенка в животе матери, говорят о том, что жизнь есть и можно уже собирать команду, мечтать об Индии или думать о школе, куда пойдет твой ребенок.

В самом конце я осмелился поместить несколько мыслей, которые назвал «Мысли вообще». Во-первых, потому, что книжечка выходила очень уж тонкая, а во-вторых, показалось, что эти кусочки, записанные в разное время для себя, до некоторой степени могут оказаться полезными для понимания того, что перед этим.

Некоторые записи совсем короткие, а некоторые горошины так и не удалось найти, значит, так тому и быть,

имитировать свои старые мысли не нужно — как есть, так есть.

Некоторые записи относятся к спектаклям, которые я еще не начинал делать, и кто знает, как все сложится и сложится ли, но толчок есть, мечты об Индии появились, и поэтому они тут, составляя многоточие в конце этого списка.

Смерть Жирафа

Вообще, это не спектакль, а заминка на похоронах, заминка перед закапыванием тела. Неловкая пауза, затянувшаяся несколько дольше положенного.

Компания странная: у жены — бесконечные ноги и маленькие рожки, у сына — несуразная шея и торчащие уши, у первой жены, тихой провинциалочки из Таганрога, кажется, все нормально, но начинает говорить — и говорит только о котлетах, поет оперные арии и танцует танго.

Сын нежен и правдив, его мама безумна. Вторая жена не приспособлена к жизни и инфантильна до умопомрачения, друг — уродливый карлик с одной ногой и страдающими глазами. Вся эта компания — это мы. Но не прямые наши автопортреты, а гротесковые. «Теплый абсурд», как сказала Аня. Чебурашка хоронит крокодила Гену, хлопая ушами.

Жалкие, милые люди. Несчастные. Теплые. Нежные, заикливающиеся на себе и своих чувствах клоуны. Компания чудаков с этим смешным цветным жирафом, составленным из цветных брусочков, чашек, сахара, какой-то трубы, куска веника и воздушного шарика.

Сегодня была чудовищная репетиция. Я сказал, что они меня не слышат, и ушел. Они — это Аня и Миша. Черт.

По-моему, это начало конца. Или они глухие, или я с ума сошел.

Аня (!) не делает того, что я хочу и прошу. Что это? Миша спрашивает о «сквозном действии». Что это? Все боятся меня и недовольны, хотя жалеют. Я не знаю, как исправить положение. Юмора нет.

Разговор с Младеном, он в Америке.

Говорю: «Не получается...»

Он спрашивает: «А что ты хочешь?»

Я говорю: «Ну, как „Клоуны“ Феллини...»

Он говорит: «Ну, вот это и делай! Нужно делать сюрпризирование...»

Стало легче: хочешь это? Ну, так это и делай...

А ведь нужно просто: вышел смешной мальчик и захлебнулся на наших глазах воспоминаниями об отце. Сверхзадача — нахлынувшие воспоминания. Боится начинать, боится, что захлебнется. Предупредил даже, что захлебывается, и — захлебнулся. Предупредил и — захлебнулся.

Не справляется с нежностью, накрывающей его в этих воспоминаниях об отце. Нежность — в деталях, в подробностях, из которых они состоят. Память удерживает эти нежные листочки, они перепутываются и летают перед глазами, как листки бумаги, когда открыли вдруг окно и — сквозняк. Машешь руками, хватаешь то один листок, то другой, а они все выются и выются.

Не жирафенка играть и не мальчика, а человека, на которого воспоминания об отце действуют как «спазм слез выше кадыка», он знает об этом и не хочет, не уверен, что хочет открывать эту коробочку с воспоминаниями.

Он знает, что будет. Но его уговорили, и он открыл. И — сквозняк. И он начинает в них захлебываться. И говорит как бы: я же говорил, что так будет! Я же предупреждал! А сейчас я уже не могу ничего сделать! Это выше меня! Это сильнее! Оно несет меня, я им уже не управляю! От этого могут быть слезы на глазах, не только от самих воспоминаний, но и от того, что справиться не может, попал в волну, а выйти на берег нет сил. Это и счастье от волны, и страх, что несет тебя сила, которая больше тебя, и только крик матери может остановить это.

А она кричит от того, что для нее это не только сладкие воспоминания, а еще и боль. Боль об ушедшем муже, о любви, о том, что жизнь идет, а жизни нет. Этот монолог сына был ей сладок и мучителен, потому что все так, но и не только так. И это «не только» и есть ее жизнь. Она могла бы закричать не на котлеты, которые так трудно делать для своего больного ребенка в этом Таганроге, а на шрам на брови своего сына и рассказать про врачей, по которым она вынуждена была его водить, про заражение крови и нянечек, про врачей, вымогающих взятки, и про отца, который в это время делал стойку на руках на Эйфелевой башне...

Она могла бы рассказать почти про все случаи «счастья», которые лежат в коробочке воспоминаний под подушкой ее сына. О куртке, «огурцовой» куртке, которую они купили по дороге с юга, как, пока она ее покупала, у нее вытащили кошелек в магазине и они месяц после возвращения сидели на сухарях, занимая на работе по три рубля на мясо для котлет своему сыну и так далее... И когда его захлебывающийся монолог подошел к своей «музыкальной» коде, у нее не хватило сил — она закричала. Но тут же, как Раневская в исполнении Демидовой: что же я кричу!.. Там Аня спит... Сказала, как будто

и не она кричала только что. «Котлеты? Я расскажу вам о них...» Усмехнулась даже. «Вы просите песен? Их есть у меня». Улыбнулась и начала, как маленьким детям или будущим мамам в женской консультации, объяснять очень сложные вещи, через которые проходят все женщины. Ничего невероятного тут нет, собственно. Рассказывает, утешая и не давая им волноваться. Очень постепенно подходя к сложностям, которые подстерегают на пути, а их, к сожалению, много: хорошо быть мамой в Москве, труднее — в Таганроге, еще труднее, если ребенок ваш болен, а с продуктами плохо, и отец работает в цирке, и все время ты одна. И ты одна и одна, и это повеситься, как тоскливо, даже если ты любишь своего ребенка, своего мужа и весь советский цирк. И, начав нарочито нормально, она кончает произвольным вскидыванием рук, выкрикиваниями и призывами купить красный в горошек трактор минского завода, который изготавливал раньше балалайки, потому что только так можно выжить в этих экстремальных, если называть вещи своими именами, обстоятельствах. И только тогда ваш сын вырастет здоровым и нормальным ребенком — то есть никогда. А вам останется только собрать свои молитвы в кулачок, растолочь их молотком, перемешав с остатками луковой шелухи и скорлупы от яиц, добавить туда немного губной помады, следы которой вы нашли на пиджаке своего мужа, когда он приехал из парижской командировки, и запах женских духов, все тщательно перемешать и сделать себе ночной крем для лица «Лунное сияние».

Аня стала лучше — юмористичнее, легче.

Миша, кроме жирафьей шеи, получил уши. Начал хорошо. А потом от него ничего и не требуется, только искренность и — захлебываться воспоминаниями.

И случайно задел какую-то тему (например, «котлеты»), случайно — и маму прорвало. Его монолог был позитивный. Он и не думал задевать. Да и она стояла с улыбочкой отстраненной, горестной. Ничто не предвещало. Вдруг — закричала и стала рассказывать про эти чертовы котлеты. А там — бездна: и счастье, и мука, и мечты, и горе. И заговариваться стала. И — танец. «Котлетный» танец о непрожитой жизни. По-моему, интересно: из провинциальной, закрытой женщины вырвать крик, а потом перейти на суперспокойный, вежливый рассказ, переходящий в абракадабру. Это признак болезни, не выдержала внутреннего напряжения. Если без крика, то это просто монолог. А с криком — современное искусство. Никто никого не понимает. У каждого своя боль. Каждый — пружина, раскручивающаяся по своим собственным законам.

Надо начать с резкости. Пять судеб и палач.
Дрессировщик — из-за него и погиб Жираф.

Разговоры. Собственно, с чего все и началось.
Разговоры с артистами: «Ребята, хотите поговорить?» — «Да». А о чем люди хотят поговорить больше всего? О себе. Давайте!

При этом хочется сделать так, чтобы эти разговоры были жизнью, жизнью на сцене, именно произнесение слов было бы жизнью. И каждый раз — разной. Разные формы жизни. Говорить при этом очень просто, буднично. Нужно сделать особое наложение мазка. Чтобы был впечатляющим именно этот мазок. Эта интонация. Каждого человека. Все монологи — о себе. Прослеживается связь каждого с Жирафом — жена, любовь из другого города, сын и так далее. Это все, исходя из очень личных монологов самих актеров о себе.

Может быть, все стоят. Это не спектакль, а заминка, не расслаживание, а ожидание на улице у ритуального зала, мороз минус три, все зябнут. Стоят. Сесть негде. Стоят, все в черном, как на похоронах, с цветами в целлофане. Кто-то снял целлофан, но не знает, куда деть, мнет в руках. Противный хруст. Они не очень знают друг друга или совсем не знают. Жена не знает женщину из другого города, не знает, что она есть, а та знает о жене, но никогда не видела, только, может быть, случайно одну фотографию у него в бумажнике. Сын этой женщины первый раз в Москве, отца никогда не видел. Или видел последний раз в шесть лет. Хороший парень из Таганрога. Женщина, его мать, Первая Жена Жирафа, знает больше всех присутствующих, вся — сплошное переживание и нерв, но все закрыто, говорит все время про другое. Сыну всегда говорила, что отец умер, уехал в Африку, и только сейчас, перед приездом сказала ему, что его отец работал в цирке и бросил их десять лет назад. Комок нервов, но спрятанных так глубоко, что можно их принять за что-то иное.

Вторая Жена разговаривает только о нем. Может говорить только о нем.

Актриса, которая ее играет, долго входит в роль, пытается подойти к ней, объяснить, что это трудно, не получается, что она хотела бы сказать что-то от себя, но неуверенно себя чувствует, поэтому ей легче, если она прочтет, хотя это тоже трудно... И ныряет в роль, в Жену, во Вдову, западает туда. Молниеносное полное преобразование.

Последним выходит Дрессировщик. Он тоже в черном, только усы и из-под черного пальто блестят цирковые сапоги. С цветами. Начинает свой монолог, может быть извиняясь, что он играет в их жизни такую роль, закрываясь смешками и юмором, говорит о своем одиночестве. Хочет

сказать, что он такой же, как они. Начинает первый собирать рухнувший стол. И говорить по-армянски. Все его сначала сторонятся, но потом садятся за стол.

Может быть, иногда возникает проекция на стене — черная толпа с цветами ждет у дверей. Заснят вынос гроба, автобус, кладут. Они повернулись и смотрят. Автобус уезжает, они смотрят вслед и садятся за стол.

А может быть, и не надо этого.

Но как-то сделать так, что таких толп много. Может быть, несколько проекций возникает в разных местах? Несколько проекций разных толп. И тогда тут, среди наших, повисает пауза, пока те не уйдут.

А может быть, и этого не надо.

А надо пронести один раз в глубине большого жирафа. И сзади стенка, и там дверь, и толпа входит в эту дверь, пронося туда этого жирафа.

А может быть, пробегают разные животные — слон, носорог, жираф, рыба, пеликан. Те, кто умерли, — все.

А может быть, и этого не надо.

А может быть, их, этих экзотических птиц и зверей, и проносить сзади? И провожают, и несут их такие же черные люди, как наши? У кого-то фламинго, у кого-то рыба... И всех проносят в эту таинственную дверь...

А может быть, кто-то из нашей толпы опоздал и стоял тут, рад, что все еще здесь, и сказал свой монолог, открылся, а когда на стене показалась другая толпа, например с фламинго, понял, что ошибся, и, неловко извиняясь, перешел к своим и ушел с ними в ту нарисованную дверь.

Примечание

Спектакль «Смерть Жирафа» был поставлен в нашей Лаборатории в театре «Школа драматического искусства» в 2009 году. Он был продиктован желанием отдохнуть: до этого я ставил «Тарарабумбия», в которой участвовало 85 человек, и очень устал. Такое удовольствие приходило на репетицию, когда их всего семь!

Роли исполняли:

Аня Синякина — Первая Жена Жирафа

Маша Смольникова — Вторая Жена Жирафа

Миша Уманец — сын Жирафа от первого брака

Сергея Мелконян — коллега Жирафа по цирку, человек с одной ногой и с кислородным баллоном

Ира Денисова — женщина на кладбище

Аркадий Кириченко — музыкант похоронного оркестра

Наташа Горчакова — актриса нашей Лаборатории, у которой сначала была большая роль в этом спектакле, но потом роль обрезали, а она осталась.

Роли Дрессировщика в спектакле не было.

Художник спектакля — Вера Мартынова.

Младен Киселов — мой друг, режиссер, с которым так хорошо было поговорить и помолчать о театре. Он жил в то время в Америке.